Цена номера 10 коп.

1930 г.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

МОЛОТ

05 (С132)
М 75

литературно-художественный журнал ТУЛ. А.П.П.

ЦЕНТР. ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
ГОСУД.
10092

СОДЕРЖАНИЕ.

РАССКАЗЫ:

МОГИЛА В ГОРАХ — М. Кольчугин.

СТИХИ:

ГОЛУБИ и АНТЕННА — Б. Сенопальников.
ВАГОНЕТКИ — Н. Рудерман.
ПЕСНЬ СТАРИКА — Ф. Сальников.
В НОВОЙ ДЕРЕВНЕ — Сергей Гусев.
ЗИМОЙ — Ст. Захаров.

ОЧЕРКИ:

„У НАС РЕВОЛЮЦИЯ!“ — В. Старцев.
СОВЕТЧИКИ — А. Безымянный и Н. Рудерман.
ГДЕ ДЕЛАЮТ КРУЖЕВА — Т. Леонов и В. Л.

СТАТЬИ:

ЛЕНИН О ПРОЛЕТАРСКОЙ КУЛЬТУРЕ и ЛИТЕРАТУРЕ.
ПОДГОТОВИТЬ КАДРЫ ПРОЛЕТПИСАТЕЛЕЙ ИЗ РАБСЕЛЬКОРОВ — В. Старцев.
КИНО СЕГОДНЯ — Н. Добротвор.
НОВЫЙ ПРОЛЕТАРСКИЙ ЖУРНАЛ „РОСТ“ — В. Киршон.
РЕШЕНИЯ ТАПП.
ХРОНИКА.

Тульская областная библиотека им. В. И. Ленина

05
М 729

Январь 1930 года. № 1 (38)

Ленин о пролетарской культуре и литературе.

Как создается пролетарская культура.

Все то, что было создано человеческим обществом, он (Маркс) проработал критически, ни одного пункта не оставив без внимания. Все то, что человеческою мыслью было создано, он переработал, подверг критике, проверив на рабочем движении, и сделал те выводы, которые ограниченные буржуазными рамками или связанные буржуазными предрассудками люди сделать не могли.

Это надо иметь в виду, когда мы, например, ведем разговоры о пролетарской культуре. Без ясного понимания того, что только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру — без такого понимания нам этой задачи не разрешить.

Пролетарская культура не является выскочившей неизвестно откуда, не является выдумкой людей, которые называют себя специалистами по пролетарской культуре. Это все сплошной вздор. Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которое человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества.

Все эти пути и дорожки подводили и подводят и продолжают подводить к пролетарской культуре так же, как политическая экономия, переработанная Марксом, показала нам то, к чему должно притти человеческое общество, указала переход к классовой борьбе, к началу пролетарской революции.

Из речи на 3-ем с'езде РКСМ (4 окт. 1920 г.).

Об очистке русского языка.

(Размышление на досуге, т. е. при слушании речей на собраниях.)

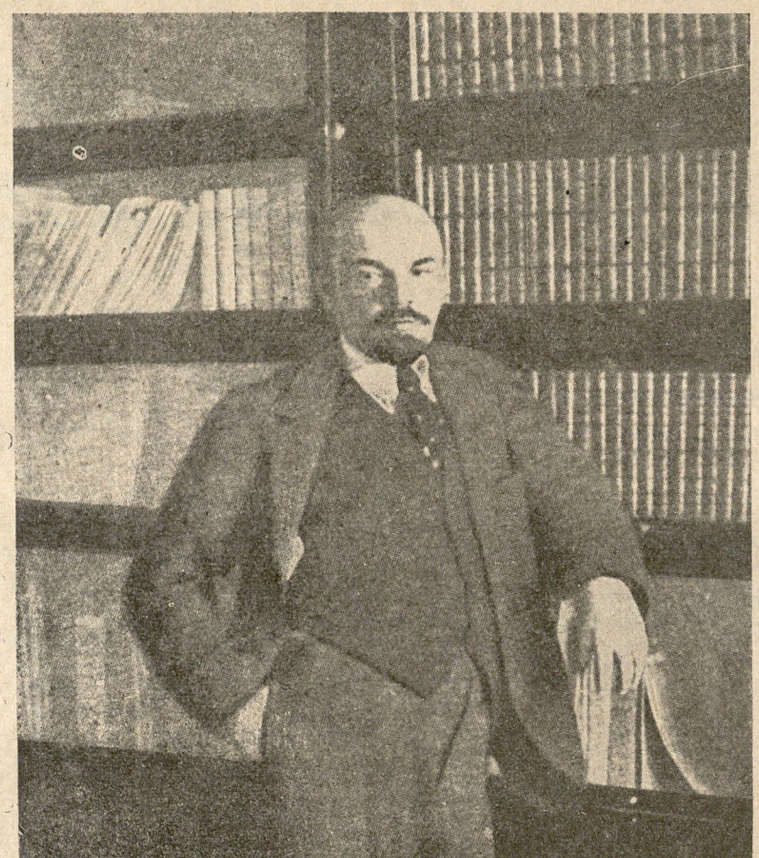
Русский язык мы портим. Иностранные слова употребляем без надобности. Употребляем их неправильно. К чему говорить «дефекты», когда можно сказать недочеты или недостатки, или пробелы?

Конечно, когда человек, недавно научившийся читать вообще и особенно читать газеты, принимается усердно читать их, он невольно усваивает газетные обороты речи. Именно газетный язык у нас, однако, тоже начинает портиться. Если недавно научившемуся читать простительно употреблять, как новинку, иностранные слова, то литераторам простить этого нельзя. Не пора ли нам об'явить войну употреблению иностранных слов без надобности?

Сознаюсь, что если меня употребление иностранных слов без надобности озлобляет (ибо это затрудняет наше влияние на массу), то некоторые ошибки пишущих в газетах совсем уже могут вывести из себя. Например, употребляют слово «будировать» в смысле возбуждать, тормошить, будить. Но французское слово «bouder» (будэ) значит «сердиться, дуться». Поэтому будировать значит на самом деле «сердиться», «дуться». Перенимать французско-нижегородское словоупотребление значит перенимать худшее от худших представителей русского помещичьего класса, который по-французски учился, но, во-первых, не доучился, а во-вторых, коверкал русский язык.

Не пора ли об'явить войну коверканью русского языка?

1919 г. Опубликовано в „Правде" № 76, 3/IV—1924 г.

В. И. Ленин в своем рабочем кабинете.

Искусство и культуру для широких трудящихся масс.

— «Пробуждение новых сил, работа их над тем, чтобы создать в Советской России новое искусство и культуру»— сказал он (В. И.),—«это хорошо, очень хорошо. Бурный темп их развития понятен и полезен. Мы должны нагнать то, что было упущено в течение столетий, и мы хотим этого. Хаотическое брожение, лихорадочные искания новых лозунгов, лозунги, провозглашающие сегодня «осанну» по отношению к определенным течениям в искусстве и в области мысли, а завтра кричащие «распни его»— всё это неизбежно.

«Революция развязывает все скованные до того силы и гонит их из глубин на поверхность жизни. Вот вам один пример из многих. Подумайте о том влиянии, которое оказывали на развитие нашей живописи, скульптуры и архитектуры люди и прихоти царского двора, равно как вкус и причуды господ аристократов и буржуазии. В обществе, базирующемся на частной собственности, художник производит товары для рынка, он нуждается в покупателях. Наша революция освободила художников от гнета этих весьма прозаических условий.

«Но, понятно, мы коммунисты. Мы не должны стоять, сложа руки и давать хаосу развиваться, куда хочешь. Мы должны вполне планомерно руководить этим процессом и формировать его результаты. Мы еще далеки от этого, очень далеки... Важно не наше мнение об искусстве. Важно также не то, что дает искусство нескольким сотням, даже нескольким тысячам общего количества населения, исчисляемого миллионами. Искусство принадлежит народу. Оно должно уходить своими глубочайшими корнями в самую толщу широких трудящихся масс. Оно должно быть понято этими массами и любимо ими. Оно должно об'единять чувство, мысль и волю этих масс, подымать их. Оно должно пробуждать в них художников и развивать их.

Клара Цеткин.

(„Воспоминания о Ленине"— перев. с немецкого).

АЗЕРБАЙДЖ. ЦЕНТР.
Инв. 1331/57

Глава из повести "Могила в горах"

М. Кольчугин.

В этом отрывке автор показывает заброшенную в горы семью крестьянина. Почти оторванная от общения с окружающей жизнью эта семья чувствует всю бесплодность одинокой жизни.
Одинокая семья стоит на распутьи.

ВЕСИВ над пропастью ноги, сидела Дора на из'еденной ветрами ноздреватой скале. Загорелые руки ее перебирали упавшие на грудь густые косы, заплетшиеся в овые пряди.

Ущельем шел воздух: спокойно и медлительно, как полноводная река в степи. Воздух в междугорьях идет дни ночи, месяцы и годы. В замшелых каменных расщелинах ренились сосны, каштаны и бук. Ими было урощено все елье. Казалось, что деревья лезли из пропасти друг за угом, точно одушевленные мохнатые существа, хватаясь дикие выступы скал и протягивая зеленые пальцы-ветки горячим ногам Доры. Дора же не замечала этого, а сила попрежнему, занимаясь прядями кос, и смотрела вдаль, ущелью, откуда плыли белые облака, похожие на копны ты, пущенные по тихому течению реки.

Дора пела:

Опуститеся вы, горы крутые, поднимитеся, равнины,
Чтобы было видно мне моих друзей...

Но долин не было видно, и горы не собирались опуаться. Неоглядные ярусы каменных громад лежали кругом подвижно и зловеще. Яростно сверкали на синем небе гантские снежные башлыки, надвинутые на угрюмые лбы ал

Дора продолжала петь:

За высокими за горами кубанские степи пораскинулись.
За кубанскими за степями плывет тихий Дон...

Голос Доры был чист и звонок, как струя горной речки; этого песня казалась царствующей. Все окружающее, тихнув, слушало ее. И на песню же от далеких снежных ршин гор, не шелохая веток деревьев, плыли облака си-им длиннейшим увалом.

— Дора-а-а!—раздался невдалеке за деревьями надрывный женский голос. Он возник совершенно неожиданно, чно для того, чтобы прервать песню Доры.

Дора вскочила на ноги, отряхнула налипший на белую цветами юбку мох.

Он полетел в пропасть плавно и тихо, кружась, как усочки хлопчатой бумаги.

А-я-а-я-а-й,—звонко прокричала Дора в ответ.

С минуту отголосок стоял в воздухе ровный и крепкий, охожий на звук стали. Потом он растаял.

Со дна ущелья смутно доносились шум и возня речки, орочавшей камни. Этот шум нисколько не нарушал надорной тишины. Он ушел в укрывшуюся в кустах каменую промоину, в самого себя.

Дора закинула за плечи тяжелые косы и тут же скрылась в густоте тенистого леса. Со скалы можно было слышать стук ее деревянных башмаков о камни да шорох затых сю кустов.

Через некоторое время впереди ее снова засветлело. солнечной поляны, сквозь узоры листьев, проглядывали асиневшие от старости бревенчатые стены, нахлобученные злохмаченной бурьяном крышей.

Вокруг домика жирно ползли широколистные арбузные плети. Среди них там и сям ярко желтели огромные подсолухи. Сбоку буйствовала кукуруза, дымя синими метелками.

— Чего?— спросила Дора остановившись перед матерью.

Та разогнулась от арбузных плетей, осторожно поправила кончиками заземленных пальцев белый платок, отерла отекшие глаза.

— Сходи, принеси воды.

— А на что она?

— Человек к нам приехал. Чай хочет пить.

Лукерья указала взглядом на груду камней, где с ее мужем Самосом сидел Сергей, одетый в серый костюм и белую войлочную шляпу.

— А ты бы ему молоком набилась.

— Не пьет вот молоко... Иди скорей!..

— А пошто он? Откуда?— допрашивала Дора, бросая поминутно взоры на Сергея, об'яснявшего что-то Самосу спокойными жестами руки в воздухе.

— Дом наш будет срисовывать и горы с тучами...

— Жить будет у нас?

— Ну, да, жить... Ты, знай, иди!

Дора пошла к дому, тая обиду на мать, не хотевшую рассказать полно о приезжем. Во взгляде матери было что то необычное.

У окна Дора сняла с кола опрокинутый кувшин, глянула на него, повернув жерлом к солнцу. Кувшин в середине блестел коричневым глянцем. Раньше она не замечала этого, как не замечала того, во что она была одета. Сейчас ей хотелось быть в чистеньком непомятом платье и носить в косах синие альпийские фиалки. И то и другое можно было сделать в какие-нибудь три минуты. Новое платье лежало в сундучке поверх всего остального, а фиалки смотрели из кружки с подоконника целым букетом, прильнув синью лепестков к оконному стеклу.

Но этого сделать Дора не решилась. Она, крадясь от кого-то, оправила платье, взбившиеся волосы и оглянулась на мать. Та смотрела на нее

— Иду, иду,— успокаивающе замахала Дора рукой.

— А я тебе и не говорю ничего,— отозвалась мать и принялась сдергивать сорную траву.

Тропка вела Дору через огород, мимо груды камней, что свалены в одну кучу и где сидели Самос и Сергей. И здесь опять почувствовалось что-то новое, почти незнакомое: хотелось пойти целиком по арбузной листве между подсолнухов и уже за полосой кукурузы снова повернуть на тропу, падающую с кручи вниз.

Но как было это можно сделать? До камней оставалось всего шагов двадцать. Хорошо уже было заметно свежее, чисто выбрит е лицо Сергея, небесного цвета глаза и тонкий белый шрам, черкнутый наискось на верхней губе. На штанах и рубахе Самоса можно было пересчитать все за-

платы и притом высчитать, сколько заплат синих, белых и черных.

Самос сидел в полуоборот к Сергею, подперев узловатым кулаком бороду.

— Дык привыкли мы... А как там тово...

Самос не нашел нужных слов и, замявшись, повернул потрепанный картуз за козырек.

Дора сказала Сергею «здравствуйте»; он учтиво поклонился ей, тронув слегка шляпу рукой. Она прошла мимо гордой и величественной походкой, делая вид, что совершенно ей не ново встречаться с культурными людьми.

Самос говорил с внутренним довольством:

— Я этот кусочек земли ни на какую Кубанскую палестину не сменяю. Никаких суховеев тут не бывает. О дожде тоже можно не заботиться: тут тени и росы подымают все не хуже дождя. До отказа все рождается,—что подсолнух, что кукуруза, что арбузы. Табачку еще на лето хочу присеять.

— Сколько вы работаете здесь в день?

— Солнце-матушка определяет время.

— То-есть от восхода до захода?

— Иной раз и вечерка прихватишь.

— А то и ночи? Правда?

— Так ночью это домашние делишки: маслица помогаешь сбить старухе, пальченок поделаешь. Палка нас кормит: на курортах дачники, ох, как палки раскупают! Кабы не палка, чтобы тогда?

— Короче говоря, только во сне отдыхаешь?

— Дык иной раз и не доспишь.

— И не доешь? Правда?

— И не доешь!—согласился Самос.

О своей жизни в горах Самос повествовал неспеша, любовно и вдохновенно. На его лице в каждой морщинке, притаившейся под серым пушком, теплилась блаженная улыбка. Но в этой улыбке Сергей не видел главное—жизненной самоцели. Тут Сергею припоминались глухие лесные поляны. На таких полянах от обилия теней и влаги цветут необычайно буйные травы. На первый взгляд они радуют человека. Но когда разворочаешь палкой кашу цветов, то из травы рыгнет прелым запахом, и обнажится желтая, гниющая масса стеблей.

— То же самое и с этим стариком,—подумал Сергей. Пригретый южным солнцем и отколотый от общества, он духовно обленился и в этом забытьи находит всю соль жизни.

Раздумывая об этом, Сергей спросил Самоса, как он попал в этот тихий уголок и давно ли здесь живет.

И тут сияющее лицо Самоса покрылось черною тенью, похожей на тень от тучи. Он угрюмо посмотрел перед собою в каштановые недра леса и, уронив на колени сцепленные в пальцах руки, заговорил тягуче:

— Шестой год уже доходит, как мы с Дона сюда перебрались. И не от добра сюда мы заехали, соколик: война нас выжила из дедовских палестин. Белые попутали тамо все жита, побили лошадьми кавуны с дынями, пожгли хаты. У меня двух сыновей убили и старшую дочь увели. Хорошая была, как Дора. Не знаем и посейчас, куда они, проклятые, дели ее. Застрелили ли, как сыновьев, из нагана в ухо, или под свою разбойную власть подвели,—не знаю.

Косматая голова Самоса лежала ухом на коленях, глаза тупо смотрели на камни. Сергей также потускнел от стариковского горя. Он бессознательно смотрел на ботинок вытянутой ноги, раскачивающей сломанный цветочек. Самос продолжал говорить тем же тягучим скорбным голосом:

— Живем... Тушим непосильным трудом горе и никак не потушим. Старое горе заглаживается,—новое растет. Скучает наша Дора по людям,—молодая кровь тянет. Молодые мы сами были и знаем, что значит в ее годах не видеть никого, кроме стариков. Есть тут в горах народ, да боязно от него нам. Были один раз эти люди, лопотали что-то не по-нашему, непонятное. Шапки лохматые —страсть! А девку тянет к ним. Знаем, что и она не понимает у них ничего, а слушает и смеется. Страшно нам от этого стало со старухой: «А, ну-ка, думаем, да случится что?..» Молились богу,— не помогает. Горбоносый малый не переходить сюда. Подолгу в кустах играет на какой-то самодельной волынке.

Самос умолк. Он высказал, как мог, до конца все, давило его мысли. И это успокоило его, погрузило в молчание.

Конец рассказа старика остался для Сергея таинственной загадкой. И все же он не решался расспрашивать подробностей, да и не мог бы Самос передать словами то, что разворачивалось в его памяти пружиной воспоминаний.

А в воспоминаниях, как на экране, плыло следующее.

Была ясная погода, а поясница у Самоса ныла, перед ненастьем.

— Сходи-ка, баба, посмотри, где Дора,—сказал то Самос жене.—Я что-то недоброе чую.

Лукерья пошла из дому и застала дочь сидящей на любованной скале, бессмысленно играющей косами.

Далекие распадки гор голубели. Смутно виднелись в роне контуры разбитых скал, похожих на разрушенные кталы. Совсем не далеко, на острой вершине горы, сточеловекоподобное облако. Ниже его, в широком междугортянуло синим маревом. Облако двигалось на край пропас как живое, расставив чесанно-ватные руки и ноги, тоготовясь скакнуть через ущелье на противоположную вершину.

— Что с тобой, детка?—болезненно спросила Лукерс испугом взглянув в затуманенные глаза обернувшейк ней дочери.—Пойдем домой, детка, а то неровен час думаешься, затоскуешь и упадешь вниз... Пойдем.

Дора поняла мать и заговорила, стараясь улыбнуть

— Не думай обо мне так, мама. Я ничего не тоскХорошо тут очень, на нашу станицу похоже. Смотри-ка облака. Плывут они по увалу, как парусные лодки по До А как тихо! Прислушайся. Правда, весной по вечерабывает так-то? А слышишь, как жалобно речка журчЭто душа моего ребеночка плачет.

В глазах Лукерьи все расплылось: горы и облака пов разных направлениях, небо стало падать в междугор

— Перекрестись, детка, я с тобой!

Дора вздрогнула, засмеялась и, желая загладить сказное, почти прокричала:

— А я тебе нарошно разное наговорила. Провалиться, нарошно. А ты подумала, что я с ума сошла. Эх, ты!

Но Лукерья еще более обеспокоилась. Она часто застовала врасплох дочь, и та уж два раза говорила о каком ребеночке. Скажет как будто невзначай, а потом, красне оправдывается.

Мать села рядом с дочерью, положила ее голову к се на колени и, плача, стала ворошить ее волосы старческимпальцами.

— Бедная моя, дочурка!— всхлипывала Лукерья.— Мсамой часто родная сторона снится. То будто я на бахчахожу, на кавуны дивлюсь, то дли клуни сижу, подсолнувылущиваю в холодку.

Мать и дочь всегда относились друг к другу чрезвычайно заботливо и нежно. Постоянное однообразие гор, слонивших сине-коричневыми и снежными ярусами прежнюю жизнь, укоренило в их повседневности тревогу дрдруге. Лукерья знала, о чем думает и тоскует дочь, молчала, будто ничего не зная. В моменты же, когда внутр Доры боролись два вопроса: о жизни и смерти, когда нотразимая тоска брала в полон ее сердце и звала в таиственную пропасть, где в камнях возилась речка, к нподходила мать и по-матерински уговаривала ее. Она говрила, что они скоро уедут в свою станицу, где доро и крыши хаток посыпаются снежными вишневыми лепесками, где над станицей стоят отголоски девичьих песе где и люди ласкаются влюбленным шопотом. Доре становилось легче, нежней казались очертания гор, приветливошелестели деревья листьями и в душе пробуждалось новое желание жить.

Точно так же и сейчас, когда Сергей ответил ласковым иветствием, Доре захотелось жить, петь, бегать...

И она бежала. Бежала с кувшином под гору, навстречу зраставшемуся речному шуму. Ветки деревьев хлестали ее цо и плечи. Вниз, по тропе, обгоняя ее, гремучим ручьем тились камешки. Она подбежала к речке, ухнула кувшином клокочущие воды. Холодная вода запенилась в кувшине, к нарзан.

Дора снова заспешила в гору, наклонившись на бок, ретягиваемая кувшином.

Выйдя на поляну, она увидела мать, расхаживающую, гнувшись, среди арбузных плетей. Лукерья что-то искала м, шумно разводя ботву руками. Сергей попрежнему сидел камнях. Но Самоса уже не было. Когда Дора поравня-сь с ним, он сказал ей:

— Хорошая у вас должно быть вода здесь, да трудно стается. Вы устали, я вижу. Отдохните.

— Нет. Тут близко,—ответила она, сократив несколько аги.

— Не скучаете здесь?

— А чего?— сказала она, весело скользнув взглядом по цу Сергея.

— Я бы на вашем месте заскучал.

— Ну, вы...— она переменила из руки в руку кувшин пошла к домику, относя в сторону руку, занятую ношей. За крышей домика, над темно-зелеными верхушками ревьев, на синем небе, четко вырисовывались снежные дла гор. Сергей охватывал взглядом и кажущиеся близ-ми горы, и красиво сложенную фигуру девушки. Ему залось, что в Доре было многое от гор, от дикой кав-зской природы. В ее величавой походке, свойственной лько женщине гор, в спокойном, чуть диком взгляде дны были решимость и даже гордость.

* * *

В маленькой комнате, между двух окон, откуда только-о убрали нары, стоял небольшой столик. Его накрыли зетой, которую Сергей достал из чемодана. По бокам олика поместились два, ровно отрезанные, чурбана-стула. о сухому, чисто выметенному полу Лукерья проложила очкой три потрепанных, но чистеньких дерюжки: две углы, одну напрямик к столу. Слева у стены стояла на-ех сделанная кровать. На окна Дора повесила плетеные з свежей травы шторы—цыновки.

Сергей почувствовал себя здесь превосходнейше. Он по-сил над кроватью бинокль, разместил по стенам красоч-ые эскизы, нарисованные им в колхозах и курортном го-дке до от'езда сюда.

Потом он подошел к окну, чтобы еще раз глянуть на ыступавшие попрежнему из-за леса снежные гребни гор. го внимание привлекло облачко, причалившее к сверкаю-ему снегом горному конусу и походившее на розовый онус.

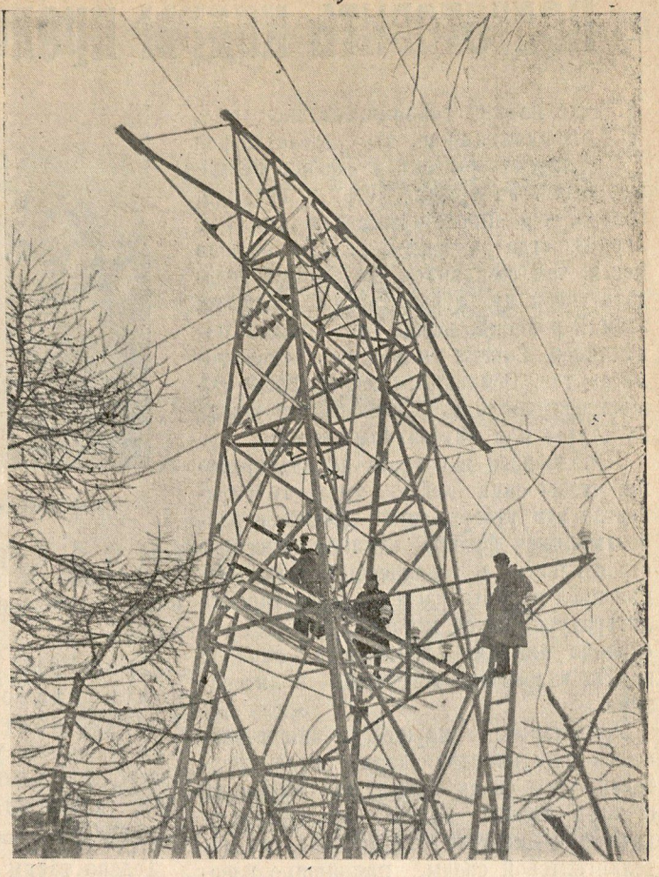
Сергей присмотрелся. Облачко поплыло по снежному клону очень медленно, меняя форму, за ним шли новые новые облака, одно причудливее другого.

Перед самым сном Сергей достал из кармана брюк ре-львер и, сунув его под подушку, лег спать.

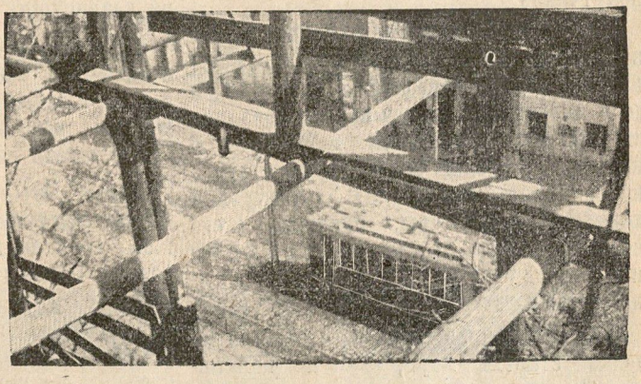
М. Кольчугин.

...За работу же, товарищи! Перед нами трудная и новая, великая и благородная задача — организовать обширное, разностороннее, разнообразное литературное дело в тесной и неразрывной связи с социал-демократическим (большевистским) рабочим движением.

В. И. ЛЕНИН. „Партийная организация и партийная литература".

СТАЛЬ РАСТЕТ... В Туле заканчивается постройка Каширской электроподстанции.
На снимке: установка изоляторов.
(фото Розенберга).

С высоты стройки.

Дети детсада Дома Красной армии за зимними играми.
(фото Шестакова).

Подготовить кадры пролетписателей из рабселькоров

Еще не так давно находились люди, доказывавшие, что пролетарской литературы нет и вообще не может быть. Утверждал это и Троцкий, говоря, что пролетариат в переходный период, «где разрушения займут больше места, чем созидание», не может создать своей культуры. Твердо стоял на этом Воронский, вождь и идеолог попутчиков. Вносил некоторый «компромисс» тов. Осинский, допускавший существование лишь пролетарского крыла культуры или литературы вообще.

Понадобился короткий период времени, чтобы сама действительность опровергла эти утверждения. Вместе с развертыванием фронта социалистического строительства и героического наступления пролетариата растет и пролетарская литература, перед которой вот уже несколько лет как поставлена партией задача завоевать гегемонию в литературе.

Пролетариат и идущее за ним трудящееся крестьянство дали своих писателей, всем своим существом связанных с делом своего класса. Перевоспитываются и писатели, вышедшие из интеллигентской среды, принявшие идеологию буржуазной интеллигенции. Они заражаются энтузиазмом пролетариата, идут за ним. У нас все больше становится таких «перебежчиков» из лагеря попутчиков.

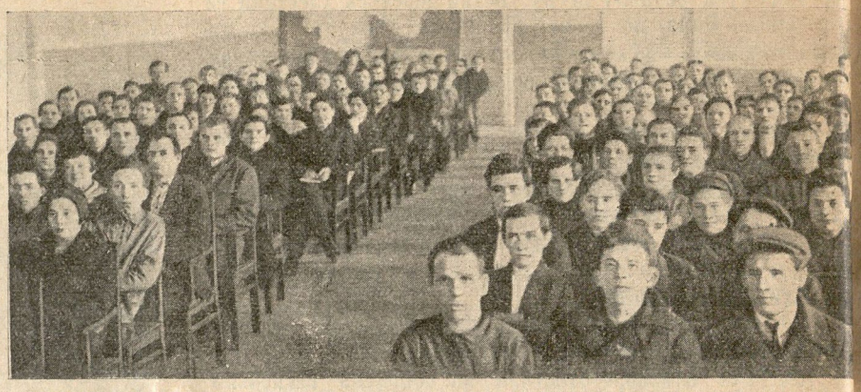
Но главные наши силы таят в себе армии рабкоров и селькоров. Это—передовики, ударники в деле индустрализации и коллективизации страны. Они—участники небывалой в истории переделки заново всего старого на социалистический лад: перестройки хозяйства, культуры, наконец, всего человека, его сознания, психики индивидуалиста в сторону коллективиста.

Кто же больше связан с этой переделкой старого мира, как не рабселькоры?

Новая жизнь выдвигает новую, пролетарскую литературу, поэзию, культуру. Кто же ее даст, как не сам участник строительства новой жизни?

Рабселькоровская армия растет. И лучшая часть ее перерастает в журналистов и писателей.

Но до сих пор это происходит стихийно, а потому кустарно. Творчество начинающих писателей имеет пока много недостатков. Работа писателя—большая работа, требующая и знаний и опыта. Редкие начинающие писатели, путем упорной учебы и труда, становятся действительно писателями; большинство же без какой-либо подготовки сразу горячо берется за перо, пишет очень много, наводняет своими произведениями редакции. Произведения эти не проходят, как слабые. И большинство начинающих, разочаровавшись, прекращает писать.

В январе в Туле проходила окружная рабселькоровская конференция. На снимке делегаты во время заседания конференции.

Движение, рост рабселькоров в сторону писательской деятельности надо ввести в план, больше уделять внимания наиболее деятельным и способным товарищам, открывать творческие учебные кружки.

Только таким путем будет обеспечен рост кадров пролетарских писателей.

В период усиливающихся темпов движения нашей страны к коммунизму пролетарская литература является одним из главнейших средств этого движения.

Если мы не сумеем достаточно обеспечить этот участок культурной революции нужными кадрами, если не поддержим начавшийся их рост, то это будут делать наши враги.

Новая буржуазия, кулачество, сметаемые наступательным движением нашей социалистической стройки, стараются помешать этой стройке и удержать свои позиции. Они стремятся протащить свое влияние в литературе, у них находятся свои идеологи. Эти идеологи не могут скрыть своей вражды к пролетариату. Они брюзжат, видят только темные стороны нашей действительности, дают в своих произведениях однобокого человека,—все то, что налипло на человеке от старого мира.

Троцкий говорил, что в переходный период «разрушения займут больше места, чем новое строительство». А враждебный нам писатель Пильняк в художественных произведениях прямо говорит, что наша революция, это — бунт некультурных людей, все разрушающих, все уничтожающих; что большевики, недостраивая, ломают, как негодное, закрывают заводы; что кулак является «благодетелем рода человеческого», а бедняк—паразит...

А сколько у нас маленьких пильняков и «подпильнячников», стремящихся стать большими Пильняками...

Старое уходит, но цепляется за выпирающие еще уродливые места. И за него держатся чуждые, враждебные нам писатели.

Если мы в своих произведениях отразим новой стройки, нового человека, то дадут вместо нас они—свое, уродливое, однобокое, юродивое...

Вопрос о кадрах пролетарских писателей нужно поставить во всей его значимости. Помощь делу подготовки и воспитания пролетписателя из рабочего и селькорского корреспондента—наша постоянная боевая задача.

Наши РАПП'овские ряды еще недостаточно опролетаризированы. На ряду с крупными пролетарскими произведениями у РАПП'овцев есть и такие, которые нельзя назвать произведениями пролетарскими: они ходульны, отдают халтурой; они дают схему, поверхностно изображают нового человека, его рабочую массу, ее труд, достижения в строительстве.

Между тем мы переживаем большие трудности. У нас много еще темных мест, не выпрямлен, как надо, уровень сознания. На ряду с достижениями, надо обнажать и пороки. Это только поможет воспитанию сознания в сторону искоренения всяких пороков.

Это доступнее всего писателю-рабкору, непосредственному участнику в строительстве жизни своего класса.

Строить пролетарскую литературу, культуру мы научились и мы ее строим, не отставая от темпов строительства социализма.

Тот, кто шел против этого, прогорел и обанкротился.

И, действительно, недалеко то время, когда вырастет мощное дерево пролетарской литературы на маленькой могиле попутчиков.

В. Старцев

Творчество начинающих поэтов.

ГОЛУБИ И АНТЕННА.

Грубейшая ругань гремит на ветру,
Сочится сквозь стекла и стены:
Соседский красивый хохлатый «летун»
Погиб от моей антенны.
Я эту антенну устроил вчера, —
Вчера натянул ее струны,
Чтоб радиоволны в мои вечера
Гремели, как в море буруны.
И звонкие струны поют на ветру,
Свисают на крыши и стены...
. . . . . .
Виновен ли я, что хохлатый «летун»
Погиб от моей антенны?

Б. Сенопальников.

Литкружок Оружзавода.

ВАГОНЕТКИ.

Над головой, где неба глубь,
Переплелись стальные клетки.
Щенками куцыми снуют,
Визжат и лают вагонетки.

Лебедка стонет, как шакал,
И трос визжит упругой силой.
И вот в пылающий провал
Он вагонетку опрокинул.

И вновь они, то вверх, то книзу,
Ползут по черному карнизу.

Н. Рудерман.

Литкружок 4 ед. школы.

ПЕСНЬ СТАРИКА.

Снова солнцем в бурный день
Луч в оконце брошен...
Разве я подгнил, как пень,
И совсем изношен?

Потрепали старика
Горе да забота,
Но не брошу вот никак
У станка работать!

С завистью глаза глядят,—
Нечего лукавить:
Так все хочется об'ять,
Что криво—исправить.

Видишь — строятся леса —
Фабрики, колхозы!..
Даже с радости глаза
Заливают слезы.

Выше, выше по лесам
Лезьте — до коммуны!
. . . . . .
До последнего конца
Не сойду с трибуны!..

Рабочий Ф. Сальников.

В НОВОЙ ДЕРЕВНЕ.

Не мог я вынести долгую разлуку.
Мелькал в пути кудрявый березняк.
Вагон колесами ритмично стукал
И увозил на родину меня.
Мне не узнать, — во многом изменилась
Деревня наша за двенадцать лет.
Мне молвит грустно бабушка Ненила,
Что в храм святой забыли люди след.
И в осенний моросящий вечер,
Когда бабы выдоят коров,
Доволен я, что над полями ветер
Не разливает плач колоколов.

Здесь средь полей не встретится межа, —
Сумели мы от старого уйти,
И, стремясь повысить урожай,
Крестьяне об'единились в коллектив.
В избе-читальне на столе газеты,
В углу Ильич.
Седой, обросший дед
Орет с плаката: «В нашем сельсовете
Всем чуждым элементам места нет!»
И от реки—волокнами туман,
И вишни радостно приветствуют меня,
И строятся колхозные дома,
Карниз высоко приподняв.

Сергей Гусев.

Литкружок Рабфака.

ЗИМОЙ.

Кудлатые осины...
Лесная кутерьма...
Порошей лебединой
Рассыпалась зима

В проросшие затоны
И проруби озер
Бросает перезвоны
Серебряный топор.

На хлесткие березы,
На липы, тополя
Бубенчиками слезы
Льет по лесу пила.

Лучистые просеки
По девственным снегам
Разгулы дровосеков
Выносят на луга.

Заводит трактор песню,
Роняет иней ель.
Везут дрова из леса
В крестьянскую артель.

И так, ни свет, ни зорька,
На целый день уйдешь
С ржаною хлебной коркой
В лебяжую порошь.

Ст. Захаров.

Рабочие клубы, библиотеки приблизили рабочие массы к книге. Книга стала лучшим другом рабочего.
На снимке за обменом книг в библиотеке-читальне Победенского рудника. (Фото Громова).

„У нас революция!“

(Очерк В. Старцева).

ДЕРЕВНЯ всколыхнулась.

Было расслоение, была классовая борьба, ожесточенная. Но того, что происходит сейчас, деревня еще не видела.

Шли хлебозаготовки. Нужно было двитнуь пятилетку вперед,—обеспечить страну продовольствием. Кулак не давал хлеба. Беднота помогла рабочему выкачать излишки у кулака.

Кулак злобствовал, вредил, мстил: жег колхозы, убивал бедняков-активистов.

Классовая борьба ожесточилась еще более. Беднота и середнячество поняли, что жить так, как жили раньше нельзя, кроме разорения, ничего не дают дробленые хозяйства. Поняли, что их спасение там, куда ведет их советская власть.

И ей надо помогать.

Они откликнулись на призыв выполнить хлебозаготовки.

Потянулись к городам красные хлебные обозы...

Задача выполнена: хлеб есть!

Пятилетка движется на всех парах...

Но мысль: «жить по-старому нельзя», упорно засевшая в головах крестьян во время хлебозаготовок, теперь уже оформилась в решение:

— Нужно организоваться в коллективы.

—Дружно-не грузно, а врозь—хоть брось.

Заговорили, зашумели крестьянские сходки.

Актив говорил:

— Сообща дружнее и землю лучше обиходим, удобрим, как надо.

— Сообща семена хорошие добудем, отсортируем.

— Сообща уберем, искот лучше выходим сообща. А там машины приобретем, свои мастерские откроем, мослобойки, мельницы пустим...

Сообща это доступнее... И с урожаем будем, с достатком. А врозь и за землей не ухаживают из-за дележки... Нельзя так жить!

А кулаки пели:

— Барщина опять!.. С голоду дохнут в ваших коммунах!

Середина была в нерешительности. Ходили в коммуны узнавать, как там живут. Возвращались и говорили коротко:

— Брешут кулаки...

Ясно. Перелом есть. Села, деревни, районы организуются в коллективы.

В весеннюю посевную кампанию поставлена задача коллективизировать 40 проц. кретьянских хозяйств нашего округа.

Все силы сейчас перебрасываются на эту работу. Успех ее зависит от того, как мы сумеем провести предстоящую весеннюю посевную кампанию. Сейчас по всему округу проводится сортирование семян. Наша задача провести эту работу на все 100 проц.

Многополье в корне изменит старые обычаи: в нем залог поднятия урожайности. Перевести на многополье намечено не менее 60 проц. посевной площади. Травосеяние и посадки корнеплодов повысят и животноводство в округе.

По одному социалистическому сектору ожидается повышение урожайности не меньше, чем на 30 проц.

На работу в деревню едет множество рабочих бригад, посылаются специалисты, готовятся новые кадры агроработников. Закрепляется неслыханная доселе смычка трудящихся города и деревни.

«Большевистская кампания» проводится большевистскими темпами, с большевистской непоколебимостью. Рабочий класс в союзе с беднотой и середнячеством, под руководством коммунистической партии, со всей решимостью проводит ликвидацию кулачества, как класса, со всей классовой яростью выкорчевывает корни капитализма.

Фронт развернут.

Все силы приводятся в боевую готовность; оздоровляется аппарат, правооппортунистические настроения пресекаются в зародыше...

Кулак одинок, но без борьбы он не хочет сдать позиций. Он изворотлив, он маскируется и приспосабливается; он действует из-за угла.

Но рабочий класс и трудящееся крестьянство бдительны, и ничто не остановит их героического движения к социализму.

Тысячи повестей и поэм дает эта новая жизнь.

Вот одна из страничек этой жизни.

ОТЧЕГО МЫ ОТХОДИМ. Жатва серпом в бедняцком хозяйстве.

Бригадник в колхоз, рабочий Оружзавода тов. Грецов.

* * *

В снежных буераках курится село Введенское (Тепло-Огаревский район). «Тихой» жизнью жило село. На сходках говорили о налоге, о школе, о дорогах. Правда, беднота требовала:

— Обложить Медведева и Еремина!

Медведев и Еремин «торговались». Потом соглашались с упреком:

— Кто вам помогает? Чьей «заботой» кооперация держится?.. И власть-то советская только держится на наших плечах!..

Началось это как-то незаметно. Дядя Митрий стал часто ходить к учителям Кутепову и Щеглову.

— Ребята, что же мы ничего не делаем? Еремин племянников хлеб вывез и зачислил за свой, а своего только мешок вывез. Да еще говорит сверх нормы сдал. Поп со своими будто разделился и сразу «бедняком» стал: хлеб не хочет вывозить...

Собралась группа бедняков. Кулака и попа заставили вывезти хлеб.

Неистовствовали кулаки: дескать, пропадете без нас и коли так,—крышка будет советской власти.

— Ничего, без вас справимся!—отвечала беднота.

Стали группами активисты села ходить к учителям. Шли беседы на ученую тему: есть ли бог, и что такое религия? Одни слушали, молчали; другие недовольно морщили лбы и говорили:

— Вы вот что, ребята: бога не трожьте! Попов, верно, проучить можно, но бога...

Некоторые бросили ходить к учителям. Но у многих не только засело сомнение, но скоро совершенно рухнула вера в бога.

Учителя вели осторожную умелую безбожную работу среди учеников. Ученики стали выпускать стенгазету и выставили требование:

— Закрыть церковь.

Провели подписку за закрытие. Подписались все, за исключением кулацких сынков. Многие за это дома получили «трепку», некоторые зачеркнули свои подписи, но, устыженные товарищами, снова подписались, претерпевая гонение со стороны родителей.

Вдруг созывается родительское собрание совместно с учениками. «Старики» пристыжены перед своими детьми.

— За что меня бьет отец?—говорит Акимов Ванька.—За то, что я не хочу жить в кабале, которую навязывают нам религия и попы. Я по-новому, по-научному хочу жить. Вон в Волчье-Дубровской коммуне, как живут: по-культурному и в достатке! Ты, товарищ Аким...

—Ах ты, сукин сын! Нашел товарища! а я тебе отец!

Отца осадил председатель. Аким загорил рассудительнее:

—Конечно, мы темные.. мы, конешно... а, по правде сказать, обидно: сын отца ит. Зудит.. пригрозишь ему Он свое... у, и толкнешь по затылку... Потому что бидно... Сколько лет жили, на что надеялись, а тут—обман... Да еще яйца курицу ачинают учить!..

Смело выступила молодежь, чувствуя оллективную силу и опору Сдавались тцы, дивясь смелости и «учености» детей.

Зашумело село, поднялся большой спор. дни доказывали ненужность церкви, другие «стояли за веру», подкрепляя ее баснями.

А тут другое началось. Ученики ходили кскурсией в коммуну. И пошел новый аскол в семье:

—В коммуну пойду!—настойчиво заявлял арень.

—Иди, как-нибудь век доживу,—отвечал тец уже сдержанно, чувствуя, что власть ад сыном ускользнула из его рук...

Шла борьба. Отцу было страшно отказаться от веками заведенной, хоть и кабальной, жизни. Его поражала жизнь коммуны, над которой он вначале подсмеи-

Бригадник в колхоз, рабочий с Косой Горы тов. Захаров.

вался, потом стал серьезнее присматриваться и дивился, как эта жизнь становится настоящей, с хозяйственным достатком.

Еще сильнее зашумело село. Ухмыляясь, ходили Медведев и Еремин. Они видели в этом только раздор. Думали, что «оголтелый народ» сдает.

—Разве это возможно все? Несерьезно это... Ветрогоны шумят...

А когда «оголтелый народ» успокоится, — их кулацкий авторитет и положение укрепятся.

Но «оголтелый народ» не успокоился. Собрались бедняцкий актив и середняцкая часть и решили:

—Организовать коммуну.

К ним стали приходить многие.

Пошли толки:

—Ты что же, дядя Аким, не идешь в коммуну?

—Да дико как-то.. Ежели бы все село, так и я бы со всем миром... Раз и бога и чорта отменили, так дуй до горы!—топнул ногой Аким и хитро засмеялся.

А тут еще на подмогу бригада из семи совпартшкольцев прибыла.

—Эй, Медведев, все село собирается в коммуну итти! А как ты?

—Да, видишь, наклонив голову, говорит Медведев. — Дело это так не кончится. Я вот думаю заранее уехать от греха. Несознательных много, поджигать начнут и, пожалуй, чего доброго, мне придется отвечать за них...

В другом месте этот Медведев, указывая на совпартшкольцев, говорит:

—Приехали кур есть... Пусть поживут, узнают, как жить на землицето.

На сходку пришли уже с готовым решением:

—Всем селом—в коммуну!

Говорили совпартшкольцы, как нужно жить. Теперь и без них это знали.

—Что ж говорить? Все верно!—выступали в прениях крестьяне.

—Вестимо надо сообща!

—Сейчас и корм и семена—в одни закрома .. Дружнее взяться за работу!...

—Друг дружке поддержка,—никто не пропадет.

Даже Медведев обмолвился:

—Что ж, дело хорошее!..

Голосовали за коммуну дружно все... Нет: двое держали руки по швам, тупо глядя в пол. Это – Медведев и Еремин.

—А как вы?—обратились к ним.

—Что?

—Против что ли?

—Нет, мы «прослушали».

И руки их потянулись кверху.

По селу поползли слушки:

—Очки вам втирают... На показ все в коммуне выставляют... А вы знаете, что бабы в своей пазухе ребятишкам горячие картошки из котла воруют... Сам видел сожженную грудь ..

Взбесился и поп:

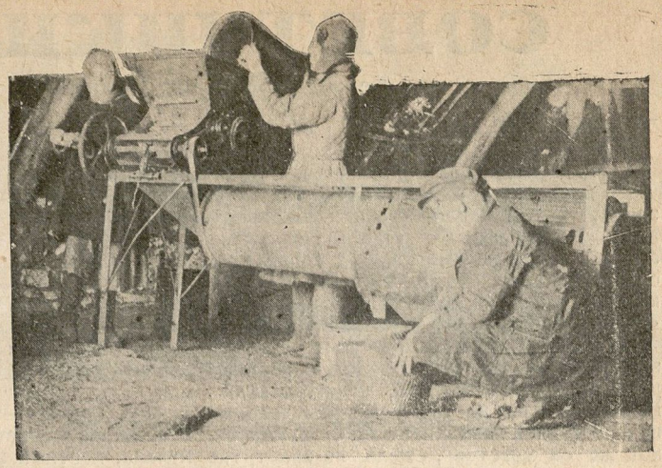
—Месяца эта коммуна не проживет. Разорит вас и по миру пустит... Не ходите! Держитесь за религию!

Этот поп, заросший в сединах, не так давно агитировал против прививки оспы:

—Не давайте вашим детям накладывать печать антихриста!

—Не дури, батя! Когда оспа рожу изуродует,—вот где будет она, печать-то,—одернули попа крестьяне, оказавшиеся культурнее невежи «отца духовного».

Попы и кулаки района сорганизовались и повели борьбу против мероприятий советской власти И их арестовали.

Очистка семян к весеннему севу.

«Рождество» принесло перелом. В результате антирелигиозных лекций около 400 граждан подписались под заявлением о закрытии церкви. Многие старики давали свои подписи.

Церковь закрыта. Сельский сход постановил не допускать попа ходить «по приходу». Поп отказался расписаться в выслушании постановления.

—Ходил и буду ходить!—заявил он. Но скоро был арестован за контрреволюционную пропаганду в церкви.

Молодая коммуна начинает свою творческую жизнь. В нее вошло 109 хозяйств с 653 едоками. Имущество коммунаров обобществляется. Произведена опись строений, инвентаря, скота. Обобществлен корм для скота, обобществлены семена. Принят агроном.

Кулаки и здесь начали проявлять свое алчное нутро. Еремин, вступив в коммуну, тайно от соседей продал корову за 130 р.

Но этим он не подорвет коммуну, а за хищение понесет должную кару.

Введенское растет и культурно. В селе открываются детские ясли на средства самообложения. Дается помощь беднякам-ученикам, ремонтируется школа, открывается столярная мастерская. В Ленинские дни открыт клуб, установлено радио.

Веселый ходит вечно неугомонный дядя Митрий.

—У нас сейчас революция!—подмигивает он встречным.

Так борются и побеждают трудящиеся массы. Так строится новая социалистическая деревня.

В. Старцев.

К ЧЕМУ МЫ ПЕРЕХОДИМ. Трактор и жнейка-самовязалка в колхозе.

СОВЕТЧИКИ.

(Очерк Безымянного и Рудермана).

УЖЕ с 7 часов подходят к сельсовету крестьяне. День сельсоветчика начинается рано: в 5—6 ч. утра. Не мало приходится ведь и по «хозяйству» за день. Надо поработать и в сельсовете, который осаждают с утра односельчане с вопросами и делами на счет коллектива, семян, развалившейся избы-читальни, «сынка как бы в городскую школу определить», «почему с меня налог перебрали» и т. д.

Член сельсовета, это — универсальный знаток всех крестьянских дел, обязанный дать толковый совет: что, да как, да куда... Если советчик не будет в курсе дела, он подорвет свой авторитет на селе: «Да какой же он советчик, ежели не знает, где семена выхлопотать?»... И поэтому каждый клочок свободного времени (нехватает этих клочков!) уходит на учебу.

Учиться приходится с «сазов», упорно преодолевая все препятствия, побеждая свою «крестьянскую натуру». Книги, статьи о пятилетке, коллективизации, правильном уходе за скотом, страницы «Деревенской Правды» и «Крестьянской Газеты»—вот что, делает члена сельсовета универсальным знатоком крестьянских дел.

А эти дела бесчисленны. Эти дела — живые показатели работы советчиков.

Вот они корявой рукой написанные дела в Частинском сельсовете, Тульского района.

«Товарищ Мерцалов, прошу устроить дочь мою в школу II ступени гор. Тулы. Имущество мое: лошадь, две овцы и телушка»...

Сверху пометка: «Окроно определил в 4-ю школу».

«Просим сельсовет — как нам организоваться в коллектив и получить землю на выдел. Нас 7 хозяйств: 4 бедных и 3 средних»... Пометка: «На сходке записалась в коллектив половина села».

«Заявление. Прошу расследовать дело, что мельник Парамонов продал на сторону 12 подвод муки». Пометка: «Подтвердилось. Мельник арестован».

«Требую воздействия на супруга моего, как он пьет и дерется». Помечено на обороте: «Личная беседа с Никитиным. Пьет только по праздникам. Дано внушение и предупреждение».

«Предлагаю устроить субботник починки избы-читальни». Внизу: «Принято на сходе. Субботник проведен».

И много-много таких дел.

Советчик — избавитель крестьян от хождения по ухабам волокиты.

Советчику чаще всего приходится делить сельчан на три группы: «свои», «середина» и «чужие». Свои это — те, кто работает вместе с советчиками: партийцы, комсомольцы, сознательная беднота. Середина—в ней, пожалуй, цель и почва классовой борьбы в деревне. Это—те, которые стоят между своими и чужими, поддерживая своих, но иногда вдруг переходят на сторону чужих. Чужие — недовольные и ярые враги советской власти: кулаки, местный поп, который после закрытия крестьянами церкви заявил, что он сам идет за советскую власть, а на деле, как увидим ниже, проводит другое,—хулиганы, общающиеся с кулаками, и, наконец, «старые люди», проповедующие старое и льющие тем самым воду на мельницу чужих.

Свои побеждают, потому что они борются делом. Симпатии середины на их стороне. Чужие работают языком, стараясь переманить на свою сторону середину.

Дела оказываются убедительнее слов.

***

— Андрей Тимофеевич! — прибегает в сельсовет села Частое к т. Мерцалову комсомолец.

— В чем дело?

— Наш батя пошел по селу подписи какие-то собирать.

— Подписи, говоришь?.. Шли скорее! — и, бросив на время все дела, советчик катит «ловить батю».

Они застают такую картину: бывший поп закрытой церкви уговаривает крестьянина: в залатанном тулупе

— Подпишись, Иван Никифорович, что тебе стоит! Я в долгу не останусь.

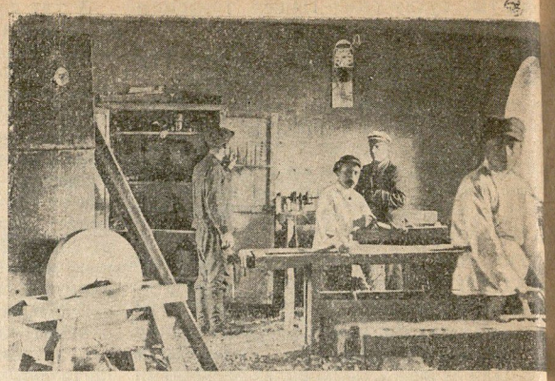
Советчик берет у попа четвертушку бумаги:

> Мы, крестьяне села Частое, против закрытия частинской церкви.

Однако подписей на листке маловато. Крестьяне уже давно потеряли веру в бога, «Батя» застигнут врасплох.

— Тэк-с... Как же это ты, батя: то за советы, то за церковь?

Поп «оправдывается». Собираются крестьяне, начинается «диспут». В результате—«батя» разоблачен и ударяется в постыдное бегство.

Столярная мастерская Красивомеченской коммуны ре тирует с.-х. инвентарь к весеннему севу.

На ходу приходится вступать со чикам в битву с классовым врагом. М го битв таких выдерживает совет И победасвоих говорит еще раз об у ной и серьезной работе его.

Изба с надписью:

> СЕЛЬСОВЕТ.

гудит, как улей. Зд решаются неотложные вопросы переде деревни по новому, по-культурному, социалистически.

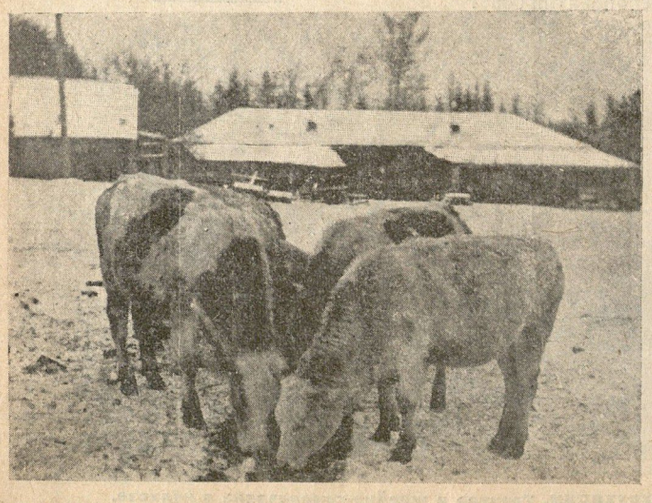
***

А вечером, в то время, когда за окн играет пурга, когда ветер хлещет белы полотнищами снега по стеклам, за окна избы сельсоветчика мелькает приветлив огонек. Кругом стола — свои: коммун из Сежинской коммуны, учитель и сосе бедняк, вернувшийся с сезонных раб За чашкой чая решаются вопросы их дал нейшей работы и пути села.

Сегодня эти дела: сплошная коллект визация села, посевкампания, месячни животноводства. Здесь подводится ит дневной работы, намечаются дела на за трашний день, обсуждается статья о пяти летке. Цифры, проценты, числа... С боль шим энтузиазмом и огромным под'емо говорят в дружеской беседе свои. Он и спорят друг с другом, доказывают. Нако нец, смеясь, все соглашаются.

И в заключение:

— Товарищи! За выполнение пятилетк отвечает не только товарищ Сталин, н только партия, но и мы все!

ТОЖЕ „СМЕНА". Породистый молодняк „Симменталка" в колхозе идет на смену „Буренке".

...Задача дня в наше трудное время—создать нечто способное дать отпор „оговорочным" людям и „раскислым интеллигентам", поддерживающим прямо и косвенно царящую „слякоть". Задачи дня—копать, хотя бы при самых тяжелых условиях, руду, добывать железо, отливать сталь марксистского миросозерцания и надстроек, сему миросозерцанию соответствующих.

В. И. Ленин. Герои „оговорочки". (1910 г.).

„Товарищ, минутку!“

— Где сегодня справочку можно получить?

— Кажется, в трубной... Нет, ошибся! Вчера было в трубной, сегодня в никелировочной. Ну, да вот:

> В четверг дежурит член горсовета тов. Михайлова.
>
> (Никелировочная м-кая).

Никелировочная мастерская оружзавода находится чуть ли не под самой крышей. Но говор мастерской слышен еще у входа, внизу, на дворе,—там, где по-деловому шагают в замасленных блузах рабочие, где и стоят рядом: неуклюжий, прокопченный грузовик и новенький лакированный авто

А когда вы начинаете подыматься по ступенькам, тянущимся куда-то вверх, звонкий и чистый металлический голос мастерской безошибочно приведет вас к месту.

Горы замков, петель и скоб, затейливые пирамиды ружейных стволов, —это они звенят на столах у клепальщиков, в руках передатчиц, перекрикиваются в ящиках браковщиц, создавая своеобразный говор никелировочного цеха, заглушающий человеческие голоса.

— С кем бы мне здесь, товарищи, по одному делу посоветоваться?

— А вон у стола—Михайлова, советчица...

МЕТАЛЛ КОЛОКОЛОВ—на индустриализацию. На снимке снятие колоколов с Донской церкви в Чулкове.

— Ага! Товарищ Михайлова, минуточку!

— Хотя две!.. В чем дело, товарищ?

— Да вот... Мать у меня заболела. За ней уход нужен большой, а я на работе, не могу. Ходил, ходил по всем инстанциям,—так и не мог толку добиться. Приходите, говорят, завтречка, часиков в десять. А я не могу: мне на работу с утра. Помоги, товарищ Михайлова!

— Это можно. Садись, пиши заявление!

Тут же, на ходу, бежит карандаш по листочку блок-нота и промасленная бумажка ложится в портфель Михайловой—карман синего рабочего халата.

В этом примитивном «портфеле» за день накопятся десятки таких заявлений.

Михайлова берется за следующую скобу, а рабочий, пряча улыбку в щетине усов, торопливо пробирается к выходу.

И опять звенят на разные голоса стальные вещи и вещицы, блестят в руках рабочих стволы—чистые, темно-синие, с алмазным отливом, строятся в горки, горы и пирамиды...

С бесчисленными вопросами и просьбами, с большими и маленькими заботами бегут рабочие к дежурному «советчику», который вчера был в трубной, а сегодня—в никелировочной.

По-разному и о разных вещах говорят заявления. Чаще всего—о неполадках и непорядках:

«Арендатор дома по улице Луначарского распродает потихоньку народное имущество»,—подмечает хозяйственный глаз рабочего.

И летит, куда следует, бумажка.

«На улице Галкина сломан забор и разворочена совершенно мостовая».

И в никелировочной мастерской рождается новая забота: нужен ремонт.

«Не принимают ребенка в детдом».

И летит бумажка с пометкой: «На расследование».

«Почему частник Лялин получил книжку ЦРК и пользуется правами рабочего?»—недоумевает работница.

И дело летит «разбираться» в правление ЦРК.

Из мастерской тянутся через горсоветчика невидимые, но выпукло-реальные нити от тысяч рабочих в десятки советских учреждений: в окрздрав, окркри, окрзу, окрфо и даже в Академию Художеств!

Да, даже в Академию Художеств—направленная умелой рукой «советчика» бумажка о том, что: «Гравер завода № 1 тов. Гришин сделал гравюру на меди—портрет В. И. Ленина»,—да так хорошо, что... «рабочие и работницы никелировочной мастерской просят Академию Художеств наградить гравера Гришина званием «художника». Никелировочная добилась своего и в этом деле.

Многого добились и трубный, и прокатный, и другие цехи, где дежурят свои — рабочие, члены правительства, избранные волей тысяч.

Работа советчиков огромна.

— Я каждый день по магазинам Заречьенского района бегаю,—рассказывает нам член горсовета от завода № 1 тов. Синицын.—Кончу работу и пошел часа на два, и всегда что-нибудь интересное найдешь. Вот, например, недавно, когда масло выдавали, зашел я в магазин № 28, а там полный непорядок. Выдают чеки только на одно масло, а если кто за другими продуктами пришел, никак не дождется. Ну, позвал я заведующего, поговорил и навел порядок. Я руковожу торгово-кооперативной группой, в которой состоят 6 человек из разных цехов. В нашем ведении находится 6 магазинов; каждый член группы тесно связан с месячной комиссией. Сов сем я в торговых делах «погруз»: только о них и думаю. Как слышу где разговор о продуктах или магазинах, непременно вмешаюсь. Ну, да и рабочие меня, как «кооператора», знают: со всеми недоразумениями по этому поводу ко мне обращаются. А так-то вообще я ведь не кооператор, а рабочий механического цеха.

Тов. Рухимов, это—сверхактивный горсоветчик. Он же редактирует стенную газету, состоит в нескольких обществах, комиссиях и т. п. и, кроме всего этого, еще работает в музыкальном кружке.

— Прикреплен я,—говорит тов. Рухимов,—к секции по просвещению. Много мне пришлось повозиться за этот созыв над культучреждениями. Я их почти все обследовал. Наиболее интересным обследованием считаю нардом. Там мне удалось внести некоторое улучшение в программу вечеров. Стало меньше «заграничных» номеров и больше начали использовывать советских эстрадников.

* * *

Звенит сталь... Работа на полном ходу! Бухнут «портфели» сотен Михайловых, Синицыных и Рухимовых за день...

Кричат рабочие, обремененные заботами, вопросами и вопросиками.

— Товарищ советчик, минуточку!

И в этих «минуточках»—трудовой день члена горсовета.

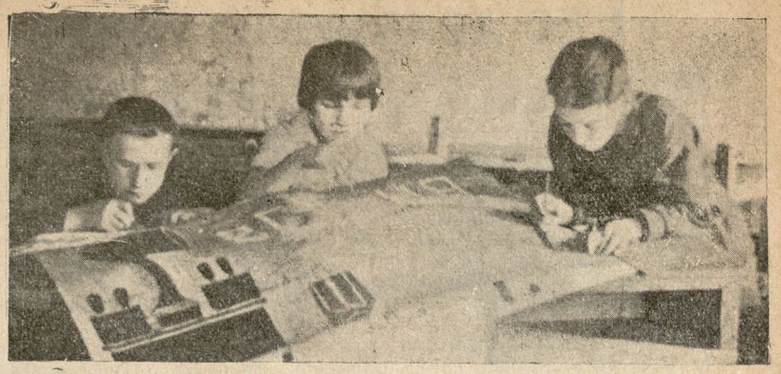
Ан. Безымянный, Н. Рудерман.

(Литературный кружок при 4 единой школе).

В „рождество“ трудящиеся массы сотнями сдавали иконы для уничтожения, порывая с оставшимися еще религиозными предрассудками.

На снимке публичное сожжение икон на площади Восстания в Туле.

Пионеры пишут лозунги к отчетной кампании советов.

Где делают кружева.

Старинный русский промысел.

(Очерк Т. Леонова и В. Л.).

Древнейший город старинной Руси, город бояр и царская вотчина, сохранивший все древнее: много узорчатых церквей, обычаи и промыслы—огородничество и кустарничество,—

— **Скопин.**

Несколько сот лет тут взращивают отличнейший лук-севок и чеснок, которые покупает заграница; сотни лет работают горшечники, алмазники, красильщики, канатчики и, наконец, кружевницы.

Крепостные рабыни всю свою жизнь плели здесь кружева для князей и бояр. Еще тогда боярская Русь торговала с заграницей великолепными кружевами. После крепостничества боярское место заняли купцы. Ночи просиживали кружевницы за своими рабочими подушками, слепли за работой, но за драгоценные кружева получали от купцов гроши.

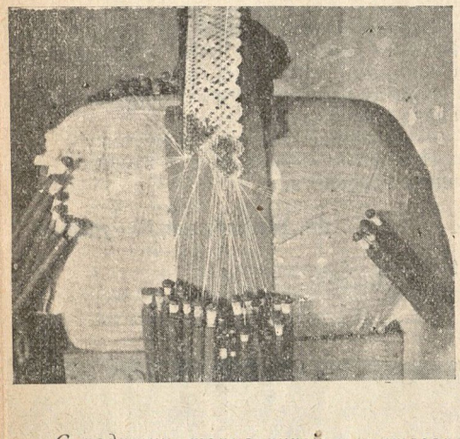
Тяжел кружевной промысел, чрезвычайно кропотливый и мало выгодный. Оттого так мало работает кружевниц и работает больше в силу привычки. Поэтому среди них очень редко встретишь молодых,—все они пожилые, зачастую старухи, просидевшие всю жизнь за подушкой—«пуфой».

Сейчас в Скопине насчитывается до 200 кружевниц и в окрестных деревнях до 150.

Кружево относится к предметам роскоши и в большом количестве экспортируется за границу. Там оно славится и стоит много выше машинного.

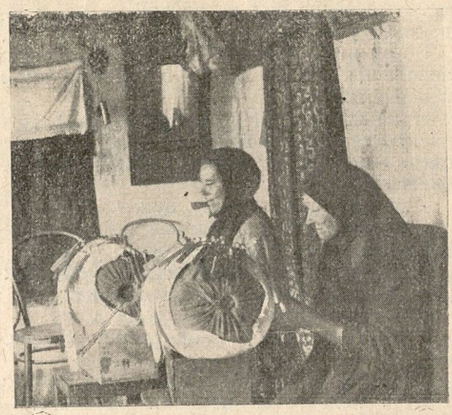
— Дайте кружево... Только обязательно настоящее русское,—спрашивают в магазинах покупательницы.

Как же делается и кто делает этот известный за границей товар?

... С подушки, точно ручей с крутогора бежит узорчатая лента. Нитка за ниткой плетется кружево ...

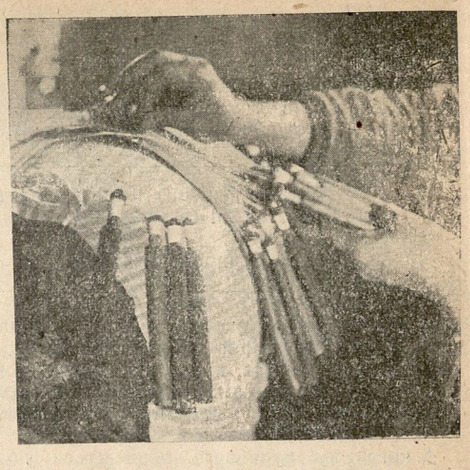
В маленьком полуразрушенном домике вас встречает женщина лет 50. Это хозяйка кружевной «фабрики». Она неохотно отвечает на расспросы, не зная, что нужно посетителю. На просьбу показать работу покорно открывает занавеску, когда-то красного цвета, и приглашает туда. Вспыхивает и тускло освещает уголок керосиновая лампа. Хозяйка подзывает вторую хозяйку-старуху. Обе садятся за свои станки-подушки. Из-под проворных рук работающих с подушки, точно ручей с крутогора, бежит узорчатая лента. Вонзаются булавки, оплетенные множеством белых нитей. Каждая нитка тянется от бе-

... Старуха-кружевница сидит с окаменелым, старостью рытым лицом. Все ее старческое зрение впилось в узоры кружева ...

логоловых палочек-коклюшек. Они во множестве рядком окружают подушку и напоминают частокол. Привычные руки быстро, почти неуловимо перебирают коклюшки. Плетется—нитка за ниткой—белоснежная узорная паутина. Перебегают, сталкиваются палочки, точно ведут борьбу за первенство: они издают какой-то рокочущий звук, точно где-то вдали протекает ручей.

Старуха-кружевница сидит с окаменелым, старостью рытым лицом, Все внимание, все ее старческое зрение впилось в узоры кружева. Она точно не живет: лишь механически работают пальцы ее рук; живет ее работа—колышащееся и трепещущее кружево. Незаметно плывут узоры, радуя взгляд старухи. Болтовня коклюшек заполняет ее слух, ритмично сливаясь в песню...

... Вонзаются булавки, оплетенные множеством белых нитей от белоголовых коклюшек, напоминающих частокол ...

Какую заботу и любовь вкладывает она в эти кружева, которые во всю свою жизнь никогда она не носила и носить не будет!..

Но промысел этот нужен как экспортный. Экспортный фабрикат и сырье нам дают машины, приближают срок выполнения великого плана индустриализации.

Поэтому-то нужна помощь кустаркам-кружевницам.

Правда, после районирования тульское промысловое кредитное товарищество вскоре приняло меры к кооперированию кружевниц.

В Скопине открылось промыслово-кредитное товарищество. Товарищество снабжает кооперированных кустарок нитками по твердой цене, а кустарки сдают фабрикат товариществу по установленным ценам. Но дальше этого дело пока не двинулось. О соцсоревновании здесь не слышно.

Лучше дело обстоит в селении Барановке: там существует даже кружевная школа.

Трудная, кропотливая работа дает небольшой заработок кустарке: не более 10 руб. в месяц. Правда, работают почти одни домохозяйки, и кружевное дело у большинства из них не основное. Но это только говорит за то, что кружевной промысел их мало захватывает. Надо больше заинтересовать кружевниц в их промысле. Надо сделать так, чтобы этот промысел был для них основным, давал достаточный заработок; в Скопине открыть школу, обеспечив квалифицированной сменой; открыть мастерские при артелях и поставить дело по укрупненно-производственному типу; керосиновые «мигалки» заменить электрическим освещением и наладить медпомощь. Нужно позаботиться об охране зрения кружевницы.

Не мешало бы призадуматься о своего рода советизации продукции кружевниц. Рисунок узора до сего времени ставится старый. Надо его обновить, ну, хотя бы посредством об'явления конкурса на новый рисунок.

Русское кружево надо превратить в советское.

„Собственно говоря, нам осталось только одно: сделать наше население настолько „цивилизованным“, чтобы оно поняло все выгоды от поголовного участия в кооперации и наладило это участие. Только это. Никакие другие премудрости нам не нужны теперь для того, чтобы итти к социализму. Но для того, чтобы совершить это только, нужен целый переворот, целая полоса культурного развития всей народной массы“.

ЛЕНИН.

Литература.

Новый пролетарский журнал:

„Рост".

С нового года Российская Ассоциация Пролетарских Писателей начинает выпускать массовый литературно-художественный и культурно-бытовой журнал «РОСТ». Лучшие силы пролетарской литературы будут участвовать в этом журнале, лучшие произведения пролетарской литературы и литературы попутчиков будут печататься в нем или целиком, или в отрывках.

Потребность в таком журнале, мне кажется, очень велика. Значительная часть рабочих читателей-середняков не может еще вполне овладеть материалом, который печатается в наших толстых журналах: журналы эти недоступны им по содержанию, да и по дороговизне.

С другой стороны—целый ряд дешевых журналов, которые являются или приложением к газетам, или выходят самостоятельно («Красная Нива», «Огонек» и т. д.), не могут удовлетворить читателя, ибо носят характер иллюстрационный и углубленного художественного и культурно-просветительного материала не дают.

Журнал «РОСТ», который явится журналом переходным от такого злободневного тонкого журнала к толстому литературному ежемесячнику, заполнит существенный пробел, который в этой области имеется. Журнал «РОСТ», кроме того, будет удовлетворять также еще одной существеннейшей потребности. Культурные вопросы, вопросы искусства занимают в быту рабочего все больше и больше места. Однако, рабочий-середняк, недостаточно привыкший пользоваться культурными «благами», не всегда получает от художественного произведения, от чтения книги, от просмотра пьесы или кино-картины все то, что эти произведения могли бы ему дать.

Журнал «РОСТ» будет уделять громадное внимание делу помощи рабочему читателю в деле использования культурных достижений советской страны, журнал будет заниматься разработкой вопросов о том, как читать книгу, как смотреть пьесу, каким образом и что извлекать из кино-картины, как культурно работать и жить. Рекомендательный список книг, их оценка, разбор наиболее интересных пьес и кино-картин, заострение проблем, которые в художественных произведениях поставлены, вынесение ряда вопросов, затронутых авторами, на широкое обсуждение,—все это найдет свое место в журнале «РОСТ».

Беспощадная борьба с вылазками классового врага на фронте культуры, разоблачение мещанства во всех его проявлениях и оттенках—постоянные и повседневные задачи журнала. Журнал должен быть актуальным и боевым.

Журнал будет уделять большое внимание быту рабочих. Темпы культурного развития, бесспорно, отстают по сравнению с общими темпами социалистического строительства,—это чувствуется в первую очередь в быту. Широкое обсуждение вопросов быта, разрешение ряда вопросов самими рабочими на страницах журнала, постановка острых и волнующих вопросов: воспитания детей, проведения часов отдыха, семейных отношений,—все это будет при участии самих читателей широко обсуждаться на страницах журнала.

Новый журнал будет центром пролетарской литературной молодежи. Рабочие литературные кружки коллективно будут участниками журнала «РОСТ». В порядке соцсоревнования редакция журнала будет поручать рабочим литературным кружкам и отдельным пролетарским писателям разработку тех или иных вопросов: освещение жизни рабочих своего района, своего завода или шахты. Начинающие пролетарские писатели смогут помещать свои вещи, однако они будут в редакции выправляться, при чем разбор их будет производиться тут же, на страницах журнала. Вещи несовершенные, вещи плохие на страницах журнала места себе не найдут.

Журнал «РОСТ» будет в первую очередь предназначен для рабочего читателя, и рабочий читатель будет получать не второсортный или посредственный материал, а лучшее, что есть в пролетарской и советской литературе. Для того, чтобы связаться с большими массами читателей, чтобы читатели проявляли максимальную активность, необходимо создание на фабриках и заводах вокруг стенгазет, с которыми журнал наладит теснейшую связь,—кружков журнала «РОСТ», через которые редакция могла бы иметь общение со всеми своими читателями. При журнале уже организована литературная консультация, которая будет давать советы начинающим писателям, посылающим свои рукописи в журнал.

При журнале будет также организована культурно-бытовая консультация, которая даст читателям ответы на все вопросы, которые будут интересовать читателей нашего журнала. Журнал должен иметь широкое распространение, и нам кажется, что доступность его даст возможность каждому рабочему, каждому комсомольцу и партийцу подписаться на него и стать его активным читателем и сотрудником.

В. Киршон.

Шесть лет со дня смерти Ильича (21 января).

В. И. Ленин и М. Горький.

КИНО—СЕГОДНЯ.

ЗИМНИЙ ОТДЫХ. На снимке: вылазка лыжной команды клуба „Красный Строитель" на состязания. (Фото Г. Федорова).

ВСЕМ известно, как В. И. Ленин определил значение кинематографии. Он сказал, что «самое важное из всех искусств, это — кино». Некоторые ослабляют смысл этой фразы Ленина, указывая:

— Да, Ленин говорил, что кино — искусство самое важное, но он говорил это тогда, когда кино было единственным широко распространненым искусством, когда театр, другие виды искусства не перестроили своей работы и были фактически менее верными, но теперь дело другое..

Такая «ревизия» Ленина была бы не только неуместна, но она была бы явно несправедлива по отношению к кино.

В. И. Ленин вполне ясно и правильно подавал вопрос о кино.

Но до сих пор нами в достаточной степени не учитывается важность кино, как орудия коммунистической агитации и пропаганды.

Отсюда ошибки и недочеты в 3-х направлениях. Прежде всего по линии производства картин. Кино-картины ежедневно смотрят буквально миллионы зрителей. Ни одно литературное произведение, ни одну газету, ни один журнал не прочтут столько людей, сколько зрителей посмотрят ту или другую картину на экране.

Мы в газетах, в журналах, в книгах пишем о соцсоревновании, об ударных бригадах, о сплошной коллективизации, о переустройстве быта, о кризисе капитализма, об опасности войны, о повышении реальной зарплаты, о молочных и огородных совхозах, о чистке партии и т.д., и т. п. Нашли ли свое отражение очередные задачи социалистического строительства на экране? Нет. Если и были небольшие попытки кое-что сделать в этом направлении, то признать их удачными нельзя.

Возьмем факты. Совкино хотело нас порадовать вопросом выдвиженчества. Сработало картину «Преступление Караваева». Что это—действительно картина о выдвиженчестве? Нет, это только порывы, которые были суждены, но на самом деле зритель, просмотрев картину, выходит с досадным недоумением: зачем нужно было сделать Караваева «преступником», когда не по линии «преступлений», подобных караваевскому (Караваев выдал без разрешения «начальства» колхозу сеялку), становится и разрешается проблема выдвиженчества, ее больные тревожные места?

Дальше. Захотелось Госкинпрому Грузии показать, что женщина на работе иногда полезнее и нужнее, чем мужчина; одним словом, была поставлена цель — показать во всей остроте проблему внедрения женского труда на производстве. В результате же просмотра картины от этой проблемы остались жалкие «рожки да ножки». Получилась, пожалуй, обычная полутрюковая картина со всеми «американизмами».

Если мы возьмем продукцию нашей кинематографии за год, то увидим, что по сравнению с продукцией предыдущих лет она более осереднячена, пригнута к какому-то среднему уровню. Это «осереднячивание» вообще было бы не плохо, если бы средний уровень определялся лучшими образцами кинематографии. Но этого в основном не было. Хорошей «середняцкой» картиной можно считать, например, получившую большую популярность картину «Саба» (борьба с алкоголизмом). Много ли таких картин видел наш экран за год? Их настолько мало, что такие, крепко сделанные, идеологически нужные картины, как «Саба», мы готовы считать крупнейшими образцами художественного кино-творчества.

И это потому, что картин-«вождей» у нас еще меньше. За год три—четыре картины («Потомок Чингиз-хана», «Обломок империи», «Старое и новое»...).

Характерной чертой кино-репертуара прошлого года является также то, что нашломающийся, реконструктивный быт не нашел себе места на экране. «Любовь втроем» буквально довлеет над творчеством наших кинематографистов. Любовный «треугольник» — вот основа драм, мелодрам и комедий при показе быта.

Интересна в этом отношении картина «Посторонняя женщина». Она может импонировать зрителям тем, что затрагивает, так сказать, больные вопросы нашего быта, а главное, преподносит их в замечательном оформлении (сочетание трюкового и лирического импрессионизма).

Но если разобраться в этой картине, то она идеологически не выдержана,— это не борьба с мещанством, а борьба за мещанство. И такие картины, как «Посторонняя женщина», нам не нужны.

Второе, что подчеркивает наше недопонимание роли кино в социалистическом строительстве, это—пренебрежительное отношение к культур-фильме.

За последний год выпущено чрезвычайно много ценных в научном и учебном (культурно-просветительном) смысле фильм. Но в большинстве своем эти фильмы до массового зрителя не доходят. Здесь совершается прямое преступление со стороны тех, кто обязан эти культур-фильмы продвигать в массы.

Главным образом, я здесь имею в виду клубы.

Клубы берут кино-барахло, а не используют богатые резервы культур-фильмы.

Клубы имеют коммерческую установку в своей кино-работе, а не культурную.

И в этом их беда и вина.

По существу своему кино-работа, это — не балаганно-зрелищная работа, а культурная. Я уверен, что недалеко то время, когда кино будет обычным явлением, как радио, в том смысле, что картины будут показывать бесплатно на площадях, в парках, на фабриках, в столовых, школах и т. д.

Культур-фильмы лучше всего выявляют культурное назначение кино.

Отказ от культур-фильмы, это значит отказ от использования кино, как орудия коммунистической культуры.

Наконец, третье, что связано с недооценкой значения кино, особенно в переживаемый нами реконструктивный период, это — слабое состояние кино-общественности. Ликвидировать «прорывы» в кино, улучшить работу кино-организаций, исправить недочеты, помочь в работе, все это— задача кино-общественности. А у нас так смотрят, что кино общественность, это — как бы «пришей — пристегни» в нашей кинематографии, в частности ОДСК, что это—добровольно-ненужная или мало нужная организация. Существует ОДСК или не существует,— какая разница!..

Нет достаточной поддержки, помощи в создании широкого авторитета для ОДСК, как центра, как организующего начала кино-общественности: без ОДСК все равно огонь не потухнет.

Такое отношение к кино-общественности, безразличие к ее работе связаны с общим «грехом», именно с тем, что мы не ценим нашего кино, как орудия коммунистической агитации и пропаганды.

В настоящее время намечается широкая перестройка всей нашей кино-работы.

В ближайшее время вся советская кинематография будет переустроена, реорганизована на новых организационных началах.

Надо полагать, что наконец-то советская кинематография получит свое настоящее место за «общим столом» социалистического строительства, что кино действительно будет «самым важным из всех искусств».

Н. Добротвор.

Зимний сезон Тульского парка культуры и отдыха в разгаре.

За четкую классовую линию на литературном фронте.

О выступлениях части сибирских литераторов против Максима Горького.

(Постановление ЦК ВКП (б) 25 декабря 1929 года).

Не входя в рассмотрение по существу предмета спора по вопросам литературы и считая, что ряд вопросов, затронутых в этих спорах, найдет свое разрешение в специальной резолюции по вопросам художественной литературы, ЦК ВКП (б) считает грубо ошибочными и граничащими с хулиганством характеристику выступления Максима Горького, как «выступления извращенного, маскирующегося врага» (рез. бюро сибирского Пролеткульта, журнал «Настоящее», № 8—9 за 1929 г.), и обвинения М. Горького в том, что он якобы «все чаще и чаще становится рупором и прикрытием для всей реакционной части советской литературы» (рез. коммунистов-сотрудников краевой газеты Сибири, журн. «Настоящее», № 5, 7), что якобы М. Горький защищает «всю советскую «пильняковщину» во всех ее проявлениях, т.- не только на литературном фронте» («Советская Сибирь», № 218).

Подобные выступления части сибирских литераторов связаны с наличием грубых искривлений литературно-политической линии партии в некоторых сибирских организациях (группа «Настоящее», Пролеткульт, Сиб. АП) и в ряде расходятся с отношением партии и рабочего класса к великому революционному писателю т. М. Горькому.

ЦК ВКП (б) постановляет:

1) Об'явить строгий выговор фракции ВКП (б) сибирского Пролеткульта за ее участие в вынесении резолюции с хулиганскими выпадами против Горького.

2) Поставить на вид редакции журнала «Настоящее» помещение на страницах журнала материалов с недопустимыми выпадами против М. Горького.

3) Отстранить т. Курса от фактического редактирования журнала «Настоящее» и от обязанностей редактора газеты «Советская Сибирь», отозвав его в распоряжение ЦК ВКП (б).

ЦК ВКП (б) предлагает сибирскому крайкому усилить руководство литературными организациями Сибири (сибирский союз писателей, «Настоящее» и др.) и обеспечить на ряду с решительной борьбой против буржуазных течений в литературе исправление «левых» перегибов в линии и деятельности литературных организаций.

Тульская АПП, на своем общем собрании единогласно одобрила вышепомещенное постановление ЦК ВКП (б) и осудила выступление части сибирских литераторов против Максима Горького.

За большевизацию рядов пролетарской литературы, за новые методы в работе АПП.

(Резолюция общего собрания Тульск. АПП).

Заслушав доклады об итогах пленумов РАПП и МОАПП, общее собрание членов ТАПП:

1. Приветствует решения пленумов РАПП и МОАПП, направленные на борьбу за четкую классовую линию на литературном фронте, на борьбу с проникновением классово-чуждой идеологии в литературу, за большевизацию рядов АПП, за приближение АПП к производству, а также практические шаги по проведению этих решений в жизнь.

2. Присоединяясь к решениям пленумов РАПП и МОАПП, собрание членов ТАПП обещает полную поддержку в проведении этих решений в жизнь и берет на себя обязательство энергичнее перестраивать работу ТАПП на основе последних решений пленумов РАПП и МОАПП.

3. Собрание постановляет усилить темп развертывания всей работы ТАПП, чтобы к 1-ой московской областной конференции АПП притти с большим опытом в работе, с большими достижениями в области вербовки новых членов ТАПП с производства, орабочения, большевизации своих рядов, развертывания массовой работы на производстве, развертывания и укрепления сети производственных литкружков.

4. Общее собрание считает необходимым использовать метод соцсоревнования в развертывании работы между литкружками Тулы, между окружными АПП. Поручить правлению ТАПП разработать этот вопрос, подготовить проект соцдоговора, чтобы в ближайшее время включиться в соцсоревнование.

Тульская АПП вызвала на соцсоревнование Тверскую.

(Проект договора, принятый на общем собрании Тульской АПП).

Невиданные по быстроте темпы социалистического строительства, вызывающие бешеную злобу и активное выступление классового врага, требуют мобилизации всех сил страны, чтобы в кратчайшие сроки и при условии повышения качества работы обеспечить выполнение генеральных задач партии и правительства.

Пролетарская литература призвана привлечь внимание рабочих и бедняцко-середняцких масс к вопросам соц. строительства, зажечь творческий энтузиазм миллионов, поднять эти миллионы, организовать их вокруг индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства для решительной борьбы за торжество социализма.

Конкретными проводниками поставленных задач являются АПП.

Чтобы лучше выполнить эти задачи, чтобы больше охватить рабочих, красноармейцев, колхозников и бедняцко-середняцкую часть перестраивающейся деревни, надо повысить качество своей работы, надо вооружиться новыми методами работы, поэтому тульская и тверская АПП вступили в социалистическое соревнование, при чем каждая из договаривающихся сторон берет на себя в течение 9 месяцев (с 1-го января по 1-ое октября 1930 года) выполнить следующие обязательства:

1. Решительно бороться за четкую классовую линию в литературе, каждое свое произведение подчинить задачам реконструктивного периода, показать пафос социалистического строительства (ударничество, самокритику, соцсоревнование, пятилетку в действии, колхозное строительство, классовую борьбу и пр.), не допуская появления в печати «аполитичных» произведений.

Повысить качество художественной обработки литературных произведений на основе художественного реализма и показа классового живого человека, практического строителя социализма.

2. Литературный журнал «Молот» (для тульской АПП) и литературную страничку (для тверской АПП) сделать мощным орудием художественной пропаганды строительства, организатором тружащихся вокруг генеральных задач партии и правительства.

3. Увеличить рабочее ядро в составе АПП до 75 проц.

4. Создать пять работоспособных литкружков (три на производстве, один в Красной армии и один на рабфаке), обеспечить их руководителями, проработать программу для кружков пониженного типа, выявить творческие силы из среды кружковцев и влить их в АПП.

5. Поднять теоретический уровень членов АПП по изучению марксистских литературоведческих проблем путем проработки «программы кружка повышенного типа».

6. Добиться заключения социалистических договоров между литературными кружками; руководство этим соцсоревнованием взять АПП.

7. Организовать помощь начинающим пролетарским поэтам и писателям путем регулярной связи с начинающими поэтами и писателями в районах, закрепления твердого времени для литконсультаций, индивидуального разбора произведений начинающих писателей на собраниях ТАПП, прикрепления наиболее сильных членов ТАПП к начинающим писателям.

8. Массовой работой охватить рабочих, красноармейцев и колхозников. Организовать:

а) 10 литературных выступлений (4 в рабочих клубах, 2 в Красной армии, 3 в колхозах и 1 в дивизионном лагере);

б) 200 бесед по вопросам пролетарской литературы;

в) 25 лит. радиовыступлений;

г) 3 экскурсии (на завод, в колхоз, в красную казарму);

д) 3 разбора книг (в рабочем клубе, в колхозе, в ДКА);

е) 1 большой диспут;

ж) ряд лекций на литературные темы.

9. Принимать участие во всех хозяйственно-политических кампаниях СССР, проводимых партией и правительством, путем литературной обработки живых газет для клубов, создания рифмованных лозунгов для красных уголков и для изб-читален и выпуска стихов и рассказов для эстрады и вечеров самодеятельности,

5812

ХРОНИКА.

На новые методы работы.

Работа ТАПП'а за текущий месяц заключается в разрешении творческих вопросов, на основе выполнения лозунга большевизации творческой работы. ТАПП'ом проработаны решения последнего пленума РАПП, и вся работа перестраивалась на новые методы: на развертывание рабочих литкружков, налаживание их работы, проработку программ, включение работы ТАПП'а в соцсоревнование.

Литкружки.

Вновь организован литкружок на транспорте (при депо М.-К. ж. д.). Пока проводилась оргработа. Приступлено к проработке программы занятий. Недостаток кружка, это — его небольшой охват рабочих транспорта. Кроме деповцев, в него надо вовлечь вагонщиков, рабочих службы пути и др. Кружком руководит тов. А. Медведев.

Скопинское отделение ТАПП'а организовало литературный кружок на Победенских рудниках..

Литкружок оружейников перенес свою работу в помещение редакции «Коммунара», т. к. с первых своих шагов не встретил поддержки ни со стороны культкомиссии завкома оружзавода, ни стороны клуба «Красный Оружейник».

Кружок намечено реорганизовать в литературный рабкоровский кружок с привлечением в него всех начинающих писателей оружзавода и вообще металлистов. Кружком руководит т. Медведев.

Срывается работа литкружка патронного завода, благодаря плохому содействию завкома. На первое собрание при библиотеке явилось всего 5 товарищей, сорвалось и второе занятие. Продолжается дальнейшая запись кружковцев в библиотеке. Кружком руководит т. Добротвор.

Ученический литкружок (4-я единая школа).

Кружок охватывает 40 чел. учащихся. Было проведено больше 10 занятий, на которых разобрали вопросы: «Что такое литература», «Анализ художественных произведений», «Классовая борьба в современной литературе», «Как писать статьи, стихи и рассказы» и др. Проводились занятия, на которых специально зачитывались и обсуждались произведения членов литкружка.

Вся работа кружка отражается в литературной газете «Наше Творчество», которую издает президиум кружка. Газета выявляет творческие способности самих ребят, обсуждает на своих страницах творческую продукцию кружка.

Вся работа кружка проходит под руководством ТАПП'а.

Литвечера.

За месяц ТАПП'ом проведен 1 диспут в окрсовпартшколе на тему: «О новом человеке в литературе». В диспуте активное участие приняли совпартшкольцы, разобрав многие произведения пролетарских и попутнических писателей.

Тульские писатели у красноармейцев.

4 января в казармах 251 полка тульской ассоциацией пролетарских писателей был проведен литературный вечер с докладом: «О современной литературе». В вечере приняли участие: писатель Ф. Кузнецов, и поэты: Сер. Володин и Мих. Рудин. Прочитанные ими произведения у красноармейцев нашли восторженный отклик.

Присутствовавшие на вечере красноармейцы постановили в будущем устраивать подобные вечера чаще, с привлечением большего количества писателей.

Писатели — в колхозы, на заводы.

ТАПП постановил послать в колхозы и на предприятия писательские бригады.

Многие члены ТАПП'а заявили о своем желании включиться в бригады

В январе месяце, по ходатайству ТАПП'а, ушел на оружзавод к станку т. Ф. Кузнецов. Тов. М. Селезнев отправляется в колхоз.

Творческая учеба.

Члены ТАПП'а приступают к рег... ным занятиям по творческой прогр... так назыв. повышенного типа. Руко... телем этих занятий выделен тов Я... Занятия будут проводиться в кра... уголке работников печати (в помещ... ревенской Правды») 3, 13, 23 числа ... дого месяца.

Соцсоревнование.

ТАПП вызвал на социалистическое с... нование Тверскую АПП (договор пом... в этом номере журнала).

Предложено литкружкам вступить ... ревнование между собой.

Литконсультация.

Литературная консультация ТАП... 2 месяца работы дала отзыв о 12 п... пивших рассказах и 83 стихотворени...

Установлено дежурство литерату... работников «Молота» в Красном у... работников печати с 5 до 7 час. ве... для литературного консультирования ... чинающих писателей.

Отвечаем начинающим писателям.

К. Мартынову.—В вашей «Встрече кумачной» прежде всего не ясна основная мысль. Художественные недостатки: перепетые мотивы, эпитеты бледны и неудачны сравнения.

Например:

Слышу, как квохчет трактор,
Взрывая за речкою луг.

А. Кондухову.— Стихи ваши и художественно и идеологически не выдержаны. Резко выделяется национализм:

Поверь, поверь — казачий облик
Я в суматохе жизни потерял.
О, жизнь тяжка, тяжки оглобли!
— И я не тот, не тот уж я...

И всюду у вас подчеркнуто сожаление о потере «казачьего облика».

Н. Ефремову.— Стихотворение «Турксиб» неудачно: страдает литературной неграмотностью. Устарелые эпитеты делают стихотворение устарелым по форме.

Например:

Там, где степи тонули в ковыле,
Где смотрел в синеву вечно лес,
Взлетит облако угольной пыли
И украсит зарей свод небес.

Непонятно, как и какое «облако у... ной пыли» может «украсить зарей ... небес». Неверны ударения в словах: «ков... и «взлетит».

Петру Романову.—В стихотворении «... рухи» главный недостаток — «смят... темы. По теме поэма сжата до нескол... строчек. О новом человеке только ска... но он не показан. Чувствуется бол... подражание Доронину:

Ну, и баба! И на что ж похоже,
Всюду, всюду, что мужик...
Молодая наша жизнь,
Ну, а мы еще моложе..,

Н. Братухину.— Стихи ваши искренни... технически они еще слабы и неграмо...

Вот пример:

Я голову, руки имею,
И, кажется, сердце трепещет...
Мое сердце, моя голова
Рвутся к чернилам и ручке.
Но снова проходит борьба,—
Дума с думою стали в ковычки.

Надо больше заниматься художестве... обработкой.

Литконсультац...

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ на газ. „КОММУНАР“ и журнал „МОЛОТ“ на февраль и последующие месяцы 1930 года.

Полугодовые подписчики „КОММУНАРА“ и „МОЛОТА“ вместе получат БЕСПЛАТНО книгу СТИХОВ Макса Смирнова.

Подписная плата на „МОЛОТ“ 10 коп., на „КОММУНАР“ и „МОЛОТ“ 70 коп. в месяц.

Издатель - газета „Коммунар“. Редакционная коллегия { А. Ярцев, С. Володин, В. Старцев.

Тулокрлит № 78. Типография Тулпечати—Тула, Коммунаров, 41. Заказ № 418—30. Тираж 4500 экз.